

УДК 821.111(73)-3.09(045)

ЖАНР НЕО-НЕВОЛЬНИЧЬЕГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Юрий Стулов

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, г. Минск, Беларусь, 220034,
e-mail: yustulov@mail.ru*

Рассмотрено развитие традиций невольничьего повествования в творчестве современных афроамериканских писателей; оно стало источником художественных идей для современных романов черных писателей США и трансформировалось в нео-невольничье повествование. Для анализа выбраны романы И. Рида и Э.П. Джонса.

Ключевые слова: афроамериканская литература, невольничье повествование, эпоха рабства, канон, традиция.

Невольничье повествование уже давно признано сугубо афроамериканским литературным жанром, своими корнями уходящим к знаменитой автобиографии Олауда Эквианы, обличавшей рабство и заложившей основные принципы жанра, развитые впоследствии такими известными борцами с рабством, как Ф. Дуглас, Гарриет Энн Джейкобс, писавшей под псевдонимом Линда Brent, и многими другими бывшими рабами, испытывшими на себе весь ужас системы, отрицавшей их право быть человеком. Практически все из них описывали путь из рабства к свободе, из тьмы к свету, особо останавливаясь на мучениях несчастных невольников и немислимых наказаниях, которые ждали их за малейшую оплошность, не говоря о попытке побега, которая нередко наказывалась членовредительством. Не случайно А. Рамперсэд называл невольничье повествование “ключевым инструментом аболиционистов, по крайней мере, с появления “Повествования о жизни Фредерика Дугласа, американского раба, написанного им самим” (1845)” [перевод здесь и далее – наш. – Ю. С.; 1, р. 469]. Даже после отмены рабства жанр продолжал оставаться востребованным. Букер Т. Вашингтон, один из лидеров негритянского движения, рожденный рабом и ставший свободным вследствие Прокламации об отмене рабства 1863 г., в знаменитой автобиографии “Воспрянь из рабства”, призывающей к расовому миру, также опирался на каноны невольничьего повествования. Это является следствием того, что, как пишет крупнейший афроамериканский литературовед Генри Луис Гейтс, “...повествование черного раба стало скорее коллективным высказыванием, коллективным сказом, нежели просто автобиографией индивидуума” [2, р. x].

Несмотря на значительные изменения в судьбах черных американцев, невольничье повествование не осталось только документом прошлого. Оно по-прежнему – важный источник художественных идей, которые питают современную афроамериканскую

литературу, являясь, по мнению крупнейшего российского исследователя этого жанра И. М. Удлер, “архетипом различных жанров афро-американской художественной литературы, документалистики, публицистики” [3, с. 7]. В этой статье будут рассмотрены произведения современных афроамериканских писателей, развивающих традиции жанра, который на настоящем этапе можно назвать нео-невольничьим повествованием, поскольку, возвращаясь к эпохе рабства, авторы используют рамку классического невольничьего повествования, но наполняют ее новым содержанием, прибегают к трагестии сюжетов и образов, постмодернистской иронии и двусмысленности.

В США явления современной афроамериканской литературы анализировали такие ученые, как М. Х. Вашингтон, Г. Л. Гейтс, Т. М. Дэвис, Б. Кристиан, М. Оквард, А. Рамперсэд и многие другие. В украинском и российском литературоведении обращают на себя внимание труды Т. Н. Денисовой, А. В. Ващенко, Н. А. Высоцкой, Б. А. Гиленсона, Л. П. Башмаковой, О. Ю. Пановой, И. М. Удлер, Т. К. Цинцадзе, М. Шамчишин, в которых затронуты различные аспекты развития черной литературы США. В последние годы в Беларуси, России и Украине защищено несколько кандидатских диссертаций по творчеству Тони Моррисон и Элис Уокер (Л. А. Агрба, И. В. Гусаровой, Е. В. Пискун, С. А. Пухнатой, С. И. Чугуновой и др.). И, однако, непосредственно о жанре невольничьего повествования написана только монография И. М. Удлер, в которой автор скрупулезно и тщательно исследовал главные параметры невольничьего повествования, показывает формирование и развитие канона на протяжении XVIII–XIX веков, прослеживает связи между творчеством отдельных авторов и тенденциями в развитии жанра.

Афроамериканские писатели, начавшие свое творчество под влиянием событий “негритянской революции” в 1970–80-е гг. вновь обратились к традициям невольничьего повествования. Его влияние явственно ощущается в произведениях Тони Моррисон, Элис Уокер, Чарльза Джонсона, Эдварда П. Джонса, Ишмаэла Рида и некоторых других писателей. Рамки статьи не дают возможности подробно остановиться на всем потоке нео-невольничьих повествований. Поэтому целесообразно выделить некоторые из книг, которые оказались весьма показательными для развития жанра.

Одна из них уже стала классикой жанра. Это роман И. Рида “Бегство в Канаду” (“Flight to Canada”), опубликованный в 1976 г. Писатель использует жанр невольничьего повествования для создания едкой сатиры на официальную историю Америки с ее расистской идеологией и западными мифами, оправдывавшими рабство. В книге прослеживаются характерные черты концепции писателя, который “подкладывает бомбы в наше воображение, разрушая наше представление о том, каким должен быть роман, как и наше убеждение относительно того, что такое Америка. Его достижения как художника основываются на открытии им стиля и форм, которые служат сатирическим целям” [4, р. 14]. В поиске свободы его персонажи принимают на себя и груз свободы, который предполагает ответственность человека перед самим собой и своими близкими. А это совсем не просто в отягощенном расовым и социальным неравенством обществе, где практически все, в том числе и моральные ценности, – это товар. Для радикально настроенного писателя разложение морали, уничтожение связей между людьми представляет особую опасность.

В романе писатель манипулирует временем: прошлое перемежается событиями, происходящими в современной Америке; южане торгуются с президентом Линкольном,

пытаясь избежать войны; идеология потребления, понижающая жизнь страны в наши дни, уходит корнями в прошлое Америки; сатира на американскую демократию времен Гражданской войны звучит актуально и сегодня. Роман представляет собой откровенную пародию как на американские нравы в целом, так и на традиционные литературные жанры – исторический роман и невольничье повествование, хотя писатель определяет его именно как “*slave narrative*” [5, p. 76]. Не следует, однако, полностью доверяться такому провокационному автору, как Рид, стремящийся взорвать форму изнутри.

Ирония заложена уже в самом названии романа. Для черных рабов Канада отождествлялась со свободой: именно туда стремились тысячи беглецов, презревшие смерть и опасности, грозившие на каждом шагу на пути к свободе, которую для них олицетворяла Полярная звезда, ставшая важным элементом в поэтике невольничьих повествований. На это указал И. М. Удлер, назвав этот образ “бесспорным символом свободы для беглецов как самой высшей ценности” [6, с. 103]. Однако Канада, которой в конце концов достигнет главный герой Рэйвен Куикскилл, оказывается совсем не тем раем, на который рассчитывают беглые рабы, тем более что только немногим удавалось достичь “земли обетованной”. Ведь их поимка стала прибыльным делом, и в этом бизнесе активно участвовали не только белые, но и черные, не щадившие своих же собратьев. Отмена рабства несла с собой огромные материальные потери, и Рид не скупился на сатирические краски, рисуя эпоху, которая в традиционном невольничьем повествовании обычно рисовалась в монохроме. Писатель критично подходит к изображению эпохи и подвергает сомнению мифологию, связанную с Гражданской войной, не оставляя в стороне и мифы, питавшие невольничье повествование. Произвольно соединяя прошлое и настоящее, Рид лишил эпоху героического пафоса, а герои Гражданской войны, увековеченные в памятниках и произведениях искусства, предстают как корыстные и прагматичные люди, для которых на переднем плане – собственный интерес, а проблема рабства – всего-навсего разменная монета в противостоянии Севера и Юга, набирающих мощь капиталистов-янки и теряющих свои позиции плантаторов-южан. Рид не пощадил никого. Даже фигуры Авраама Линкольна и автора знаменитого аболиционистского романа “Хижина дяди Тома” Г. Бичер-Стоу показаны под сатирическим углом.

Исходя из канонов невольничьего повествования, писатель показал взросление героя, проходящего, казалось бы, тот же путь к освобождению, что и герои многочисленных повествований XIX века, которые были нацелены, прежде всего, на белого читателя, который должен был содрогнуться от ужаса, читая о жестокости системы рабства и беспрестанном насилии над человеческой личностью. Рид травестировал традиционные ситуации и через сатиру и фигуру главного героя разрушил устойчивость формы. Взрослея и проходя через драматические события, Рэйвен учится владеть ситуацией, манипулируя мифами белого человека. Он обретает свободу, но достигает цели путем, отличным от способов, характерных для традиционного героя невольничьего повествования. В этом ему в большой мере помогает язык, выворачивающий наизнанку понятия белого человека. Ричард Грей отмечает, что Рид “через трансформацию стиля превращает воспоминания о неволе в акт освобождения” [7, p. 682], причем это освобождение имеет как прямое, так и метафорическое значение.

Инверсии подвергается и один из самых устойчивых стереотипов восприятия черных

белыми хозяевами, проводящими границу между “невинными”, не испорченными цивилизацией черными рабами, только и думающими о служении белому человеку, и бунтарями, которых надо держать в тисках. Вступая в прямую полемику с романом Г. Бичер-Стоу “Хижина дяди Тома”, Рид использовал бичеровский образ дяди Тома и столь знакомую по многочисленным произведениям фигуру добродушной и простосердечной мамушки и превратил их в хитрых и далеко не простых персонажей вроде дяди Робина, которым удается ловко обвести хозяина вокруг пальца. Контакт черного с белым всегда строился как диалог глупого с умным. Но на самом деле все происходит наоборот: афро-американец смотрит на ситуацию как бы со стороны, с насмешкой; он-то все видит и знает, но этого не подозревают его белые оппоненты, считающие его недочеловеком. Реакция черного абсолютно неискренна, хотя кажется исполненной прямоты и серьезности. Он разыгрывает белого собеседника, который не допускает и мысли о том, что может быть одурачен человеком с “примитивным” мышлением. Вследствие создается второй план, пронизанный горькой иронией. Дядя Робин (пародия на дядю Тома) становится своеобразным перевертышем, усвоившим у своего белого господина “масса Артура Суилла” правила игры в этом несправедливом и жестоком мире. Через пародирование истории и многочисленные интертекстуальные пересечения Рид высмеял американскую белую цивилизацию, которая густо замешана на прагматизме и выгоде.

Почти через тридцать лет, в 2003 г., вышел роман “Знакомый мир” (“The Known World”) одного из самых ярких современных афроамериканских писателей Эдварда П. Джонса, ставший литературной сенсацией, в том числе и благодаря экспериментам с формой невольничьего повествования. Роман демонстрирует новый подход к истории рабства в США. Для писателя, как и других черных писателей США, рабство – это “не только уникальный опыт афроамериканцев, но и важнейший компонент в развитии современности на Западе” [8, p. 2013]. Писатель создает современный тип невольничьего повествования, исходя из того, что рабство навсегда отпечаталось в сознании и белых, и черных.

Классическое невольничье повествование было сосредоточено на показе травматического опыта рабов, драматических сценах издевательства со стороны белых хозяев и бегстве рабов на север. Джонс отталкивался от структуры и поэтики невольничьего повествования, но осмыслил события прошлого с позиций сегодняшнего дня. Для него эпоха рабства – это не только история дегуманизации черных и их подчинения белому господину. Это еще и удивительный пример человеческой стойкости и мужества, с одной стороны, и переплетения человеческих судеб, добра и зла, с другой. Писатель нарушает традицию, когда повествование идет от лица главного героя. У Джонса такого героя нет, зато есть множество людей, попадающих в разные ситуации, напоминающие традиционные ситуации невольничьего повествования. Как в “лоскутном одеяле”, являющемся одной из культурных традиций афроамериканцев, где целое создается из отдельных фрагментов ткани с узором, передающим истории семьи или клана, так и в романе Джонса выстраивается целостная картина эпохи. В романе звучат разные голоса, возникает многовариантность, идет взаимодополнение повествований, перебиваемых комментариями автора, который прослеживает судьбы своих героев вплоть до наших дней. Но роман не распадается на отдельные эпизоды, благодаря всезнающему рас-

сказчику, который активно вторгается в повествование, комментирует происходящее в романе, соединяет нити прошлого, настоящего и будущего в единое целое, перемещаясь во времени и пространстве, значительно усложняя хронотоп романа. В один узел завязываются реалистические подробности быта и фантазмагорические образы, возникающие в видениях и фантазиях героев, но переданные скупой и иногда даже не эмоционально, что только усиливает художественный эффект.

Создается панорамная картина вымышленного округа Манчестер, штат Вирджиния, обретающего под пером писателя плоть и кровь и символизирующего весь американский Юг эпохи рабства. Он сродни Йокнапатофе Уильяма Фолкнера или городку Тимс Крик Рэндалла Кенана. В невольничьем повествовании всегда точно описывалось местопребывание рассказчика и среда его обитания, и Джонс следует канону. В финале романа округ предстает в виде мозаичной карты, выполненной на стене салуна в Вашингтоне, где оживают все персонажи романа. Они ищут свою дорогу к свободе, но не каждому дано ее обрести. Проблема в том, что все они духовно или физически травмированы рабством, включая черного рабовладельца Генри Таунсенда, лишь недавно обретшего свободу, а с ней и первых черных рабов – своих собратьев, и полусумасшедшую Элис, которая, однако, сумела бежать с плантации и стала автором мозаики “знакового мира”, не позволив этим стереть этот судьбоносный период американской истории из памяти поколений. Это вывернутый наизнанку мир, в котором смешались понятия, где добро и зло находятся в постоянном взаимодействии и не всегда различимы. Путь из тьмы к свету, от рабства к свободе, от невежества к знанию нелегко и тернист, и не каждый может его осилить.

Роман Джонса, восходящий к мономифу поисков, содержит многочисленные точки пересечения с главными темами, сюжетами и приемами авторов невольничьих XVIII–XIX веков, но идет дальше, используя все богатства современного романа, в том числе блестяще манипулируя приемами магического реализма, благодаря чему художественный мир романа обретает необыкновенную насыщенность. Форма невольничьего повествования у Джонса получает глубину и объемность, которые отсутствуют в классических произведениях жанра, написанных с тем, чтобы привлечь на сторону аболиционистов белого читателя, и предназначенных другой аудитории. Джонс заставляет читателя задуматься не только о прошлом, но и настоящем: если бы не события этой эпохи, американская история была бы совсем другой, но именно форма невольничьего повествования дает возможность более четко проследить связи между прошлым и настоящим, без чего нет будущего. Авторы научного сборника “The American Uses of History: Essays on Public Memory” правы, когда пишут, что “литературные и художественные формы несут следы истории и их можно читать как источники исторического знания. По сути, иногда форма – это единственный след, оставленный функциями и значениями, которые находятся на грани исчезновения. Наполнение этих старых форм новыми значениями – это способ повторить прошлое иначе и может рассматриваться как прием воспроизведения истории без фиксации ее в застывших формах” [9, p. 12].

Необычен угол зрения, под которым рассматривается рабство. Едва ли не впервые в афроамериканской литературе возникает тема черного рабовладения и связанных с этим социальных и нравственных противоречий. События романа разворачиваются

вокруг плантации Генри Таунсенда, который не случайно умирает уже в первой части. Его судьба – это только предыстория; все самое значительное, включая Гражданскую войну, случится потом, но именно он становится катализатором процесса распада не только собственной плантации, но и всей системы, результатом чего станет новая Америка. История плантации после его смерти превращается в мозаику эпизодов, позволяющих проникнуть в сложнейшие вопросы взаимоотношений рас, господ и рабов, мужчин и женщин, сильных и слабых, а сам округ Манчестер становится метафорой расовой ситуации в стране. Обвинением системе служит Мозес, первый раб, которого подарили Генри и который после смерти хозяина пытается занять его место, радикально меняясь внутренне. Гордый человек теряет достоинство и превращается в угрюмого отчаявшегося старика, теряющего какое-либо представление о реальности. Система обречена на гибель, потому что уже никто не в состоянии поддерживать статус кво. На руинах “знакового мира” рабства должен появиться другой мир, где цвет кожи перестанет быть определяющим фактором во взаимоотношениях людей, а чернокожие американцы перестанут быть товаром. А как память о прежних временах появится мозаика, созданная Элис, которая, наконец, обретет фамилию – “Night”, потому что как раз ночью ей и другим рабам удалось бежать с плантации. И на этой необыкновенной картине “не упущено ничего: ни одной хижины, ни сарая, ни цыпленка, ни лошади. Ни одного человека. ...И опять в правом нижнем углу вышиты слова “Элис Найт”” [10, p. 385].

Все эти произведения не только расширяют наше представление об эпохе рабства, но и есть свидетельством того, как традиции невольничьего повествования продолжают питать афроамериканский роман, делая его одним из наиболее интересных явлений в новейшей литературе США.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rampersad A.* 1901; 1903: W.E.B. Du Bois's The Souls of Black Folks rebukes Booker T. Washington's Up from Slavery // *A New Literary History of America* / Ed. by Greil Marcus and Werner Sollors. Cambridge, MA – London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2009. – P. 469–473
2. *Gates H. L. Jr.* Introduction // *The Classic Slave Narratives* / Ed. and With an Introduction by Henry Louis Gates, Jr. – New York: A Mentor Book, 1987. – P. IX–XVIII
3. *Удлер И. М.* В рабстве и на свободе: становление и эволюция документально-публицистического жанра “невольничьего повествования” в XVIII–XIX веках. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – 239 с.
4. *O'Brien J.* Ishmael Reed // *Conversations with Ishmael Reed* / Ed. by Bruce Dick and Amritjit Singh. – Jackson: Univ. Press of Mississippi. – P. 14–24.
5. *Abbott R. and Simmons I.* An Interview with Ishmael Reed // *Conversations with Ishmael Reed* / Ed. by Bruce Dick and Amritjit Singh. – Jackson: Univ. Press of Mississippi. – P. 74–95.
6. *Удлер И. М.* Специфика трактовки и функций природы в афро-американских “невольничьих повествованиях” XVIII–XIX веков // *Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология.* – Вып. 3(15). – 2011. – С. 100–105.
7. *Gray Richard.* *A History of American Literature.* Malden, MA-Oxford-Carlton: Blackwell Publishing, 2004. – 900 p.

8. The Norton Anthology of African American Literature / Henry Louis Gates Jr., General Editor, Nellie Y. McKay, General Editor. New York: W.W. Norton & Company, 1997. – 2665 p.
9. The American Uses of History: Essays on Public Memory / Tomasz Basiuk, Sylwia Kuźma-Markowska, Krystyna Mazur (eds.). – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. – 352 p.
10. Jones, E.P. The Known World. – New York: Amistad, 2004. – 388 p.

Стаття надійшла до редколегії 22.10.2011

Прийнята до друку 02.11.2011

THE GENRE OF NEO-SLAVE NARRATIVE IN CONTEMPORARY AFRICAN AMERICAN LITERATURE

Yurii Stulov

*Minsk State Linguistic University,
21, Zakharova St., Minsk, Belarus, 220034,
e-mail: yustulov@mail.ru*

The paper deals with the development of traditions of slave narrative in the work of contemporary African American writers. It became a source of creative ideas for the present-day African American fiction and was transformed into neo-slave narrative. The paper will focus on the novels by I. Reed and E.P. Jones.

Key words: African American literature, slave narrative, the epoch of slavery, canon, tradition.

ЖАНР НЕО-НЕВІЛЬНИЧЕ РОЗПОВІДЬ В СУЧАСНІЙ АФРОАМЕРИКАНСЬКА ЛІТЕРАТУРІ

Юрій Стулов

*Мінський державний лінгвістичний університет,
вул. Захарова, 21, м. Мінськ, Білорусь, 220034,
e-mail: yustulov@mail.ru*

Розглянуто розвиток традицій невільничого розповіді у творчості сучасних афроамериканських письменників; воно стало джерелом художніх ідей для сучасних романів чорних письменників США і трансформувалося в нео-Невільниче розповідь. Для аналізу обрані романи І. Ріда і Е.П. Джонса.

Ключові слова: афроамериканська література, Невільниче оповідання, епоха рабства, канон, традиція.